

*Л.В. Мельникова**

**АНТИНАПОЛЕОНОВСКАЯ ПРОПАГАНДА
В РОССИИ 1806–1814 ГГ.:
ФОРМИРОВАНИЕ ОБРАЗА ВНЕШНЕГО ВРАГА**

Отечественная война 1812 года была не только военно-политическим столкновением государств, но также конфликтом двух цивилизаций. Многие современники осознавали происходившие события как противостояние православной, дворянско-монархической России и «безбожной», «дехристианизированной» в результате революционных потрясений Франции. Гонения на Церковь и духовенство во время Французской революции XVIII в., введение республиканского календаря и провозглашение новой религией культа Разума, слишком прагматичная, даже беспринципная церковная политика Наполеона, сопровождавшаяся, несмотря на заключение с Римом конкордата 1801 г., неоднократными столкновениями с папой Пием VII, закончившимися в 1809 г. отлучением французского императора от Церкви и пленением римского первосвященника, – все это создавало ощущение некоего духовно-религиозного мятежа, поднятого Наполеоном против христианства¹. Великая армия, покрывшая кровью половину Европы, грабившая и осквернявшая русские православные храмы, воспринималась многими как своеобразная темная сила, а ее предводитель сравнивался с Антихристом – ставленником сатаны, который, согласно христианской эсхатологии, должен появиться на Земле незадолго до второго пришествия Христа и сосредоточить все существующее на ней зло для борьбы против Христианской церкви.

В немалой степени подобному восприятию способствовала активно проводимая в России церковная и светская пропаганда, в ходе которой, с опорой на реальные исторические факты, но с использованием различных приемов преувеличения (гипербола, гротеск, ирония) создавался нелицеприятный, безбожный (а порой даже «темный», «демонический») образ врага и проводилась мысль, что России Богом предназначено остановить злодеяния Наполеона и освободить от него Европу.

Пропаганда (от *лат.* *propago* – «распространять») – распространение фактов, аргументов, слухов и других сведений, в том числе иногда и за-

* Мельникова Любовь Владимировна, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института российской истории РАН.

¹ Подробнее см.: Мельникова Л.В. Армия и Православная Церковь Российской империи в эпоху Наполеоновских войн. М., 2007. С. 60–83.

ведомо ложных, для воздействия на общественное мнение, – в мировой практике издавна применялась в военное время противоборствующими сторонами в качестве своеобразного идеологического оружия. Несмотря на то что происхождение термина *propaganda* (*propaganda*) относится к 1622 г. и традиционно связывается с названием созданной в то время католической организации «*Congregatio de propaganda fide*» («Общество распространения веры»), явления, отражающие сущность данного термина, встречались, разумеется, и раньше. Суть военной пропаганды во все времена сводилась к тому, чтобы объяснить армии и народу смысл и цели войны, сплотить их на борьбу с врагом, а также попытаться склонить на свою сторону солдат противника. Важное место в распространявшейся информации традиционно занимал «образ врага». В годы Наполеоновских войн и Россия, и Франция активно использовали методы военной пропаганды, при этом Россия в конечном итоге удалось выиграть эту «войну перьев».

В общей сложности в России были проведены две антинаполеоновские пропагандистские кампании – в 1806–1807 гг. и в 1812–1814 гг. В годы Тильзитского мира негативные высказывания в адрес Наполеона и наполеоновской Франции были строго запрещены. Что касается конца XVIII в. и первых лет XIX в., когда отношения между будущими противниками еще не определились, в России не только не выходила антинаполеоновская литература, но цензура порой пропускала в печать даже откровенные панегирики Наполеону, представлявшие собой переводы или переложения сочинений, которые бонапартистская пропаганда распространяла тогда по всей Европе. Интерес к фигуре Наполеона Бонапарта – человека, менее чем за десять лет проделавшего путь от неизвестного армейского поручика до полководца с мировым именем и неограниченного правителя Франции, у русской читающей публики был велик, и подобные издания были призваны удовлетворить этот массовый спрос. К литературе подобного рода можно отнести произведения: «Жизнь и подвиги Буонапарте»², «История первого консула Буонапарте»³, «Анекдоты и характеристические черты из жизни Буонапарте»⁴, «Некоторые замечания о первых годах Буонапарте»⁵ и др.

² Жизнь и подвиги Буонапарте, начиная с первых его успехов в воинском искусстве до совершенного покорения Египта, с присовокуплением описаний похода его в Сирию, осады Акры и с изображением характера и свойств Буонапарте, с портретом. Пер. с фр. Изд. 2-е. М., 1801.

³ История первого консула Буонапарте со времени его рождения до заключения Люневильского мира. Пер. с фр. СПб., 1802.

⁴ Анекдоты и характеристические черты из жизни Буонапарте, открывающие дух и свойства его, выбранные из всех тех писателей, которые только когда-нибудь писали о сем Герое. М., 1803.

⁵ Некоторые замечания о первых годах Буонапарте. Собранные и выданные на Аглинском одним из его соучеников. Пер. с фр. М., 1802.

Расстрел по приказу Наполеона французского принца крови Луи Антуана Анри де Бурбона-Конде, герцога Энгиенского 21 марта 1804 г. (н.ст.) привел к разрыву дипломатических отношений с Францией и вступлению России в Третью антифранцузскую коалицию, что, в свою очередь, на долгое время положило конец «положительному образу» Бонапарта в официальных русских изданиях. Книги о нем, вышедшие ранее, запретили. Разгром союзных российско-австрийских войск под Аустерлицем 20 ноября 1805 г.⁶, последовавший за ним развал Третьей коалиции и боязнь переноса военных действий на территорию России еще более обострили ситуацию и заставили российское правительство активно включиться в «информационную войну» с Наполеоном.

В январе 1806 г. в Коллегии иностранных дел, подчиненной российскому МИД, появляется новое техническое подразделение – типография, продукция которой была призвана оказать противодействие наполеоновской пропаганде, стремившейся, в частности, помешать усилиям России по формированию новой антифранцузской коалиции. С 1 октября 1806 г. МИД начинает также выпуск собственной еженедельной франкоязычной газеты *Journal du Nord* («Северная газета»), подчиненной практически тем же целям.

В 1806–1807 гг. в России выходят многочисленные антинаполеоновские памфлеты и брошюры как отечественного, так и переводного происхождения. Все они содержат резкую критику внешней и внутренней политики Наполеона (французский император – агрессор, одержимый «неуемной жаждой расширения», «тиран и узурпатор»), а также нападки на его личность и на французскую нацию в целом. Критика внутренней политики Наполеона ведется одновременно с консервативно-монархических позиций (он – «похититель престола законных государей») и с позиций либерально-просветительских («душитель вольности и гражданских прав»), однако данное противоречие никого не смущает. Главная задача – разрушить образ, создававшийся бонапартистской пропагандой, и в том числе той хвалебной литературой, которая выходила в России в довоенное время, а также обосновать необходимость коалиционных войн. К подобным изданиям относятся: «Наполеон Бонапарте и народ французский»⁷, «Вот каковы Бонапарте и народ французский»⁸, «Тайная история нового французского двора»⁹, «Французы в Вене»¹⁰ и др.

⁶ Все даты, кроме специально оговоренных случаев, приводятся по старому стилю.

⁷ Наполеон Бонапарте и народ французский. Перевод с немецкого. В двух частях. М., 1806.

⁸ Вот каковы Бонапарте и народ французский. Сочинено в Англии. СПб., 1807.

⁹ Тайная история нового французского двора и любопытные анекдоты, относящиеся до Сент-Клудского кабинета в Париже. СПб., 1807.,

¹⁰ Французы в Вене или Описание всех происшествий и поступков Бонапарте и войска его в Австрии, их там преступлений, опустошений, обманов и грабительств. Пер. с нем. СПб., 1807.

Значительную роль в формировании «образа врага» играет Русская православная церковь. Она включается в пропагандистскую кампанию по прямому указанию императора Александра I в связи с созывом ополчения 1806 г. и необходимостью объяснить народу освободительный характер войны, идущей за пределами Отечества. (Необходимо отметить, что в отличие от новоиспеченного французского императора, Александр I не только не конфликтовал с Церковью, но, напротив, выступал с ней в тесном единстве. Союз Церкви и самодержавия, существовавший на Руси еще в XVI–XVII вв. в виде так называемой диархии (двоевластия) царя и патриарха, или «симфонии властей», а позднее оформленный «Духовным регламентом» Петра I в виде слияния церковных структур с государственным аппаратом, вообще имел огромное значение для политической жизни России. Православие, названное в законодательстве религией, «господствующей в государстве», по сути, являлось духовно-нравственной основой Российской империи и одним из важнейших факторов, определявших мировоззрение русского народа. Православная церковь путем обряда коронования и миропомазания вступающего на престол императора освящала самодержавную власть, придавая ей сакральный смысл. В народном сознании монарх был Помазанником Божиим, и сами понятия веры, царя и Отечества были тесно связаны между собой.) В Высочайшем манифесте от 30 ноября 1806 г. «О составлении и образовании повсеместных временных ополчений или милиции», характеризуя причины войны, Александр отметил «властолюбие и алчность правительства, возникшего во Франции», и исходящую от него угрозу «опустошения всей Европы». Подчеркнув, что неприятель «в изданных им прокламациях простирает дерзость свою так далеко, что грозит вторжением в самые пределы Наши», император выразил надежду на то, что российский народ, движимый «ревностнейшею любовью к Отечеству», поддержит принимаемые властью чрезвычайные меры¹¹. Особым указом от 6 декабря 1806 г. Александр обратился к Святейшему Синоду с поручением объяснить народу, насколько «ополчение сие для спасения Отечества необходимо».

Выполняя предписание царя, Русская православная церковь сразу взяла резко обличительный тон и придала противоборству России и Франции религиозный, священный смысл. В специальном объявлении Святейшего Синода от 15 декабря 1806 г., читавшемся во всех храмах Российской империи, Наполеон представлялся не только как узурпатор, поработитель человечества, «неистовый враг мира и благословенной ти-

¹¹ ПСЗ-I. Т. 29. № 22374.

шины», но и как отступивший от Бога гонитель Христианской церкви. В документе отмечались неоднократные прагматичные манипуляции Наполеона с религией – участие в революционных «идолопоклоннических празднествах», желание принять ислам во время Египетской кампании. Особое внимание обращалось на предстоявший созыв в Париже Великого синодрина: «Наконец, к вящему посрамлению Церкви Христовой, созвал во Франции Иудейские синагоги, повелел явно воздавать раввинам их почести и установил новый великий сангедрин (синедрион. – *М.Л.*) Еврейский, сей самый Богопротивный собор, который некогда дерзнул осудить на распятие Господа нашего и Спасителя Иисуса Христа – и теперь помышляет соединить иудеев, гневом Божиим рассыпанных по всему лицу земли, и устремить их на ниспровержение Церкви Христовой и (о, дерзость ужасная, превосходящая меру всех злодеяний!) на провозглашение» в его лице «лжемессии»¹². 25 января 1807 г. с аналогичным посланием выступил митрополит римско-католических церквей в России Станислав Богуш-Сестренцевич¹³.

Великий синодрина, заседавший в Париже с 9 февраля по 9 марта (н.ст.) 1807 г. (о его созыве было официально объявлено 6 октября 1806 г.) и призванный, по мнению французского императора, преодолеть национальную обособленность проживавших во Франции евреев, действительно сыграл значительную роль в рождении легенды о демонической сущности Наполеона. Дело в том, что Великий синодрина (высшее религиозное учреждение Древней Иудеи), осудивший в свое время на распятие Иисуса Христа, не созывался полтора тысячелетия. По существовавшему преданию, вновь собравшийся синодрина должен был ознаменовать приход Антихриста. Согласно христианской эсхатологии, именно Антихрист будет признан как мессия иудеями, отвергшими истинного Мессию – Иисуса Христа. Неудивительно, что христианский мир встретил созыв Наполеоном синодрина очень настороженно и даже враждебно. При этом если большинство европейских государств ограничились простым замалчиванием этого события, то в России Православная церковь объявила о нем всенародно, дав упомянутую выше оценку.

Религиозно-мифологические настроения появляются в это время в русской поэзии, которая живо откликается на военно-политические события и также становится одним из средств пропаганды. Так, например, ведущий поэт того времени Г.Р. Державин зимой 1807 г. по поводу сра-

¹² Там же, № 22394. См. также: Мельникова Л.В. Указ. соч. Приложения. С. 301.

¹³ См.: Шильдер Н.К. Император Александр I. Его жизнь и царствование. Т. II. СПб., 1897. Приложения. С. 359–361.

жения при Прейсиш-Эйлау пишет оду «Персей и Андромеда»¹⁴. В начале произведения он излагает содержание известного древнегреческого мифа: храбрый Персей, слетевший с Олимпа на крылатом коне, спасает от страшной смерти прикованную к скале Андромеду. Нападающее на нее чудовище, пораженное «священным мечом» Персея, наделяется самыми фантастическими, почти «апокалипсическими» чертами: это вышедший из ада «дивий вол, иль преисподний зверь // Стальночешуйчатый, крылатый, // Серпокогистый, двурогатый». Затем объясняется аллегорический смысл оды: в образе Андромеды представлена Европа, Персея – Россия, чудовище – Наполеон: «Не зрим ли образа в Европе Андромеды, // Во Россе бранный дух, Персея славны следы, // В Наполеоне баснь живого Саламандра, // Ненасытима кровью»¹⁵. Интересно, что имя французского императора прямо упоминалось лишь в самом первом, отдельном издании оды 1807 г. Во всех последующих изданиях, вышедших уже после заключения Тильзитского мирного договора, слово «Наполеон» было заменено на термин «Губитель» («В Губителе мы баснь живого Саламандра»)¹⁶. При этом термин этот опять-таки был выбран поэтом не случайно. Дело в том, что в переводе на греческий «губитель» звучит как «Аполлион». Это имя, безусловно, созвучное с Наполеоном, в христианстве (в частности, в «Апокалипсисе») носит демон истребления, разрушения и смерти. В заключение произведения несколько раз рефреном повторяются слова: «Знайте, языки, страшна колосса: // С нами Бог, с нами, – чтите все Росса!»¹⁷

В большом ходу были также сатирические стихотворения, написанные народно-прибауточным языком. Например, на ту же победу при Прейсиш-Эйлау неизвестный автор писал: «Лже-Мессия угоревший // Лыжи тотчас наострил // И, грибка два у русских съевши, // Рыло прочь отворотил»¹⁸. В том же духе высказывался другой поэт, также оставшийся неизвестным: «Белены он обожрался: // Против Бога поднял нос, // И Мессиею назвался. // Экой змей-горыныч-пес! // ... // Право, братцы, –

¹⁴ В рукописи к заглавию было прибавлено: «Кантата на победу французов Русскими». Данное сражение закончилось практически вничью, однако обе стороны приписали победу себе. К тому же полководческий авторитет Наполеона был столь высок, что любое не выигранное им явно сражение расценивалось как проигрыш.

¹⁵ *Державин Г.Р.* Персей и Андромеда: Кантата на победу французов русскими 1807 года. СПб., 1807.

¹⁶ См.: *Державин Г.Р.* Персей и Андромеда // *Державин Г.Р. Сочинения.* В 9 т. Т. II. СПб., 1865. С. 612–617.

¹⁷ Там же.

¹⁸ Цит. по: *Грунский Н.К.* Наполеон I в русской художественной литературе // *Русский филологический вестник.* 1898. Т. 40. № 3–4. С. 208.

Бог будь с нами! // Дыбом волосы встают, // Видно, дружен он с чертями,
// В рудоконьях что живут»¹⁹.

Возникнув в 1806–1807 гг., образ «Наполеона-Антихриста» впоследствии получил свое дальнейшее развитие. Необходимо отметить, что Россия в подобном восприятии французского императора была не одинока. Идея витала в воздухе, аналогичные трактовки встречались и в странах Западной Европы. Так, например, в Испании в 1808 г. на волне освободительной борьбы был составлен и получил широкое распространение так называемый «Гражданский катехизис», в котором подчеркивалось, что Наполеон имеет два естества – «сатанинское и человеческое» и происходит «от ада и греха»²⁰. Эта «апокалипсическая» характеристика Наполеона перекликается с положениями, высказанными в 1809 г. немецким поэтом Э.М. Арндтом во втором томе его труда «Дух времени», а также в ряде брошюр и листовок. Называя Бонапарта Сатаной и Антихристом, Арндт страстно призывал германские народы к национально-освободительной борьбе против наполеоновской империи.

В России после заключения Тильзитского мирного договора антинаполеоновская пропаганда временно прекратилась. С началом Отечественной войны 1812 года она возобновилась с новой силой, при этом вновь востребованной оказалась и идея о демонической сущности Наполеона. Огромные масштабы иноземного вторжения и высокая степень опасности требовали осмысления природы этого вторжения для выработки оптимальных способов борьбы с ним. В самые первые дни войны среди солдат 1-й Западной армии полковыми священниками была распространена информация из письма профессора Дерптского университета В.-Ф. Гецеля, присланного военному министру М.Б. Барклаю де Толли. Она представляла собой каббалистическое изъяснение двух мест из «Апокалипсиса». Применив к французскому алфавиту принцип «еврейского число-изображения», где первые десять букв обозначают единицы, а прочие – десятки, и, сложив все числа, входящие в словосочетание «L'Empereur Napoléon» (император Наполеон), Гецель получил «звериное число 666». «Апокалипсический зверь», как известно, отождествляется христианской эсхатологией с Антихристом. Согласно «Апокалипсису», власть зверю будет дана на 42 месяца. Этим числом Гецель объяснял падение Наполеона в 1812 г., ибо в то время ему уже исполнилось 42 года. Написав число 42 прописными буквами

¹⁹ Там же. С. 207–208.

²⁰ Гражданский катехизис, или Краткое обозрение должностей Испанца, с показанием, в чем состоит свобода, и кто враги его. Книжница весьма полезная в нынешнее время // Сын Отечества. 1812. № 2. С. 59–60.

(«quarante deux») и применив к нему тот же принцип, Гецель получил то же «звериное число»²¹.

Исчисления Гецеля и размышления о созвучии имен Наполеона и «апокалипсического» Аполлиона имели в эпоху 1812 г. довольно широкое распространение, причем оказывали влияние не только на простой народ, который, по словам современника поручика И.Т. Радожицкого, «не иначе о нем разумел, как об Антихристе», но нередко – и на представителей дворянства. Приведу несколько примеров. По воспоминаниям того же Радожицкого, один из служивших с ним нестроевых офицеров еще до перехода Великой армии через Неман под влиянием чтения Священного Писания проповедовал, что «Антихрист, сиречь Аполлион или Наполеон, собрал великие, нечистые силы около Варшавы ... для того, чтобы разгромить матушку-Россию; что при помощи Сатаны Вельзевула, невидимо ему содействующего, враг непременно полонит Москву, покорит весь русский народ, а за тем вскоре последует светопреставление и Страшный суд»²². «Апокалипсическими» чертами в 1812 г. вновь наделил Наполеона Г.Р. Державин. В лиро-эпическом гимне «На прогнание французов из Отечества», где война наполеоновской империи с Россией представлена как борьба тьмы со светом, зла с добром, нечестия с православием, Наполеон изображен вышедшим из бездны «таинственных числ зверем», «в плоти седьмглавым Люцифером, о десяти рогах венчаным», драконом или «демоном змеевидным»²³. Наконец, в 1814 г. на «исчисления Дерптского профессора Гецеля» при анализе имени Наполеона прямо сослался автор популярного памфлета «Дух Наполеона Бонапарте...»²⁴. Спустя полвека эти настроения, имевшие место в русском обществе, отразит на страницах «Войны и мира» Л.Н. Толстой, когда «звериное число 666» в имени французского императора обнаружит его любимый герой граф Пьер Безухов.

Возвращаясь к мерам пропаганды, предпринятым российским правительством в начале войны, необходимо отметить создание в июне 1812 г. по распоряжению военного министра М.Б. Барклая де Толли Военно-походной типографии, находившейся при Главной квартире и являвшейся агитационным центром российской армии. Директорами походной ти-

²¹ РГИА. Ф. 806. Оп. 1. Д. 2156. Л. 2–3; см. также: *Мельникова Л.В.* Указ. соч. Приложения. С. 307–308.

²² *Радожицкий И.Т.* Походные записки артиллериста, с 1812 по 1816 год. М., 1835. С. 16–17.

²³ *Державин Г.Р.* Гимн лиро-эпический на прогнание французов из Отечества // Он же. Сочинения. В 9 т. Т. 3. СПб., 1866. С. 137–164.

²⁴ *Дух Наполеона Бонапарте, или Жизнь и ужасные деяния его, начиная со дня рождения до 1814 года.* Собрано с показаний очевидцев и достовернейших политических иностранных и отечественных авторов. Вновь испр. и доп. Ч. 1–3. СПб., 1814. С. 8.

пографии были назначены профессора того же Дерптского университета А.С. Кайсаров и Ф.Э. Рамбах, выдвинувшие идею ее учреждения еще весной 1812 г. Типография выпускала так называемые «летучие издания» (или листовки), распространявшиеся среди населения (как русского, так и позже – немецкого) и войск (как российской армии, так и неприятельской). Чаще всего листовки содержали информационные сообщения о ходе военных действий и анализ определенных этапов кампании; они противостояли интерпретации тех же событий, содержавшейся в «Бюллетенях Великой армии», и тем самым выполняли функцию контрпропаганды. Нередко листовки содержали обращения к жителям оккупированных губерний с призывом к сопротивлению, а также воззвания к солдатам и офицерам противника с приглашением переходить на русскую службу²⁵.

6 июля 1812 г. Александр I издал манифест «О сборе внутри государства земского ополчения». Документ ясно показывал, что император делает ставку на православную веру и народную войну. Царь взывал ко всем своим подданным, «ко всем сословиям и состояниям, духовным и мирским», приглашая их «единодушным и общим восстанием содействовать против всех вражеских замыслов и покушений». Он предлагал поражать неприятеля «на каждом шаге» «всеми средствами и силами, не вникая никаким его лукавствам и обманам». Манифест содержал знаменитую фразу: «Соединитесь все: с крестом в сердце и с оружием в руках никакие силы человеческие вас не одолеют»²⁶.

Решение императора поддержала Церковь. Святейший Синод выпустил воззвание, которое вместе с манифестом читалось во всех храмах страны. В нем развивались идеи, выраженные в объявлении 1806 г. Подчеркивалась связь происходивших событий с революцией 1789 г. (первопричиной всей бедствий), во время которой «ослепленный мечтою вольности» французский народ казнил законного короля Людовика XVI и осквернил собственные храмы, чем заслужил проклятие Бога, распространившееся также и на те страны, которые последовали за Францией. Наполеон именовался «властолюбивым, ненасытимым, не хранящим клятв, не уважающим алтарей врагом», который «покушается на нашу свободу, угрожает домам нашим и на благолепие храмов Божиих простирает хищную руку». Наступившая война осознавалась как «искушение», нависшее над Россией, которое она должна преодолеть с Божьей помо-

²⁵ Подробнее см.: Листовки Отечественной войны 1812 года. Сб. документов. М., 1962; Тартаковский А.Г. Военная публицистика 1812 года. М., 1967.

²⁶ ПСЗ-I. Т. 32. № 25176.

шью и еще больше утвердиться «в уповании на промысел». Церковь призвала прихожан «принять оружие и щит» и «охранить веру отцов»²⁷.

По свидетельству современников, обращения к народу, читавшиеся с церковных амвонов, оказывали существенное влияние на настроение широких масс. Например, ростовский городской голова М.И. Маракуев отмечал, что эти обращения «чрезвычайно были любезны публике, а воззвание Святейшего Синода в особенности отличалось красноречием, силою и истиною»²⁸. Прямо противоположное впечатление производили манифест царя и воззвание Синода на представителей Великой армии, которым вскоре также стало известно их содержание. Идеи, выраженные в этих документах, заставили многих наполеоновских офицеров еще во время отступления русской армии усомниться в победоносном завершении предпринятого ими похода. Например, лейтенант О. Рёдер фон Бомсдорф писал, что многие французские офицеры увидели в манифесте Александра I «призыв к бесконечной войне». «Как и когда, – говорили они, – будет закончена борьба с самодержцем девятой части земли, который призвал... своих подданных истреблять нас любыми, находящимися в их распоряжении средствами»²⁹. О «крестовом походе, проповедуемом русским духовенством» против армии Наполеона, говорит в своих воспоминаниях А. Коленкур³⁰.

Церковная проповедь о безбожии противника и необходимости защиты святой веры в глазах народа подтверждалась поведением завоевателей. С первых шагов по российской территории солдаты Великой армии принялись грабить православные храмы и монастыри. В большинстве своем равнодушные к собственной религии³¹, они, как правило, не церемонились с национальными традициями русского народа. При этом если в Литве и Белоруссии грабежи носили единичный характер, то в центральной России (в Смоленской, Московской и Калужской губерниях) они ста-

²⁷ РГИА. Ф. 796. Оп. 93. Д. 627. Л. 15; см. также: *Мельникова Л.В.* Указ. соч. Приложения. С. 303–305.

²⁸ Записки Маракуева // *Наполеон в России глазами русских.* М., 2004. С. 36.

²⁹ *Röder von Bomsdorff O.W.* Mittheilungen. Leipzig, 1816. T. I. S. 111–112.

³⁰ *Коленкур А.* Поход Наполеона в Россию. Смоленск, 1991. С. 188.

³¹ Об отношении французских солдат к религии наглядно свидетельствует письмо аббата А. Сюрюга, отправлявшего службу в церкви Св. Людовика Французского в Москве в сентябре–октябре 1812 г. За все время пребывания французов в Москве в церкви, где служил аббат, появилось только четверо или пятеро офицеров из старинных французских фамилий; из 12 тысяч воинов Великой армии, умерших в Москве, только двое были похоронены по христианскому обряду; единственным проявлением религиозности солдат, по словам Сюрюга, было желание окрестить детей, «в остальном религия для них пустой звук». (*Brett-James A.* 1812. Eyewitness accounts of Napoleons Defeat in Russia. L.; N.Y., 1966. P. 190.)

ли массовыми. От грабежа наполеоновские солдаты часто переходили к прямому осквернению православных святынь – кололи на дрова иконы, стреляли в лики святых, превращали храмы в провиантские магазины, конюшни и скотобойни. В общей сложности в центральных губерниях было разорено более половины всех существовавших на оккупированных землях церквей³². Вандализм завоевателей вызвал взрыв всеобщего негодования и способствовал расширению движения народного сопротивления.

Особое впечатление произвела на русское общество судьба Москвы. После взятия и осквернения Первопрестольной столицы русская пропаганда совершенно перестала стесняться в выражениях для характеристики противника. Например, в особом «Известии о состоянии Москвы» от 17 октября 1812 г., составленном по достоверным данным и по высочайшему повелению обнародованном в церквях, прямо заявлялось, что определение «неприятель» является для представителей Великой армии слишком «обыкновенным и недостаточным», ибо их поведение недостойно не только просвещенного народа, но даже дикарей, проявляющих в подобной ситуации «только жадность к грабежу, а не жадность к разрушению того, чего они взять с собой не могут». Подражание Франции, имевшее место накануне войны, признавалось ошибочным и говорилось о необходимости порвать с ней «все нравственные связи», возвратившись к чистоте и непорочности «наших нравов». Франция и Россия противопоставлялись друг другу как «безбожие» и «благочестие», как «порок» и «добродетель», война между которыми должна вестись до победного конца³³. В «афишах» московского генерал-губернатора графа Ф.В. Ростопчина, оказывавших, по словам современников, на население «огненное, непреборимое действие», Наполеон именуется «гадина заморская», «враг рода человеческого», «наказание Божие за грехи наши», «дьявольское наваждение», «некрещеный враг», душе которого быть в аду и «гореть в огне, как горела наша мать Москва»³⁴. После Великого московского пожара С. Новиков пишет сочинение «Видение наяву и разговор Н[аполеона] с С[атаной]...», которое вышло под псевдони-

³² В Москве были разграблены 22 из 24 существовавших монастырей (за исключением Данилова и Новодевичьего) и 227 из 264 церквей, в Московской губернии – 4 монастыря и большая часть храмов. В Смоленской губернии было разграблено 6 монастырей и пострадало по разным данным 252 или 323 церкви; в Калужской губернии – 2 монастыря и 24 (по другим данным – 27) церкви. Подробнее см.: Мельникова Л.В. Указ. соч. С. 158–186.

³³ Собрание Высочайших Манифестов, грамот, указов, рескриптов, приказов войскам и разных извещений, последовавших в течение 1812, 1813, 1814, 1815 и 1816 годов. СПб., 1816. С. 50–57.

³⁴ Борсук Н.В. Ростопчинские афиши. Текст с примечаниями и предисловием. М., 1912. С. 94–96.

мом «Отставной русский на степи» и имело широкое распространение³⁵. В нем злодеяниям Наполеона удивляется (хотя и приятно) сам дьявол, который признает, что французский император превзошел всех прежних его избранников – Калигулу, Нерона и др. Особо подчеркивается безбожие и непомерная гордыня Наполеона, который якобы гордо заявляет: «Ни Бога, ни людей я не щажу никак; // Один хочу быть я, – а прочее – пустяк. // ... // На Бога даже зол! – Пред Ним ли унижаться? // Что я не Он, за то готов и с Ним сражаться»³⁶.

В это время издаются десятки карикатур, на которых Наполеон изображен в демоническом облике, с рогами и хвостом, или стоящим рядом с сатаной и чертями. Подобные карикатуры в период Наполеоновских войн создавались не только в России, но также в Англии и Германии. В виде Сатаны с горящим факелом в руках французский император был показан на раскрашенной гравюре, изображавшей план Москвы с указанием сгоревших домов. Известный график И.И. Тербенев выполнил портрет Наполеона, где его лицо состояло из мертвых тел, а одежда из обрывков карты Европы. Этот художественный прием, заимствованный автором с гравюры XVIII в., изображавшей голову царя Ирода, составленную из трупов Вифлеемских младенцев, использовался также на английских и немецких карикатурах.

К формированию негативного образа врага, а точнее, лично Наполеона, а также к осмыслению сущности происходивших событий и сравнительному анализу личностных, в том числе религиозных, качеств двух столкнувшихся в непримиримой схватке императоров в 1812–1814 гг. активно обращались авторы многочисленных памфлетов и других публицистических сочинений. Наиболее популярными произведениями были «Дух Наполеона Бонапарте...», «Русские и Наполеон Бонапарте»³⁷ и др. Почти все памфлеты выходили анонимно или под псевдонимом, при этом авторами их нередко выступали представители русской дворянской интеллектуальной элиты: С.С. Уваров, А.Я. Булгаков и др. Памфлетный образ Наполеона во всех произведениях примерно одинаковый. Это образ тирана и злодея, не признающего ни Божеских, ни человеческих законов, вся жизнь и деятельность которого представляет собой че-

³⁵ Отставной русский на степи. Видение наяву и разговор Н... с С... после сожжения Москвы и подорвания части Кремлевских стен при уходе Наполеона с войсками из оной, куда он был допущен без бою и почти в пустую. СПб., 1812.

³⁶ Новиков С. Видение наяву и разговор Наполеона с Сатаной после сожжения Москвы и подорвания части Кремлевских стен при уходе Наполеона с войсками из оной, куда он был допущен без бою и почти в пустую. СПб., 1816. С. 9.

³⁷ Русские и Наполеон Бонапарте. М., 1813.

реду преступлений, совершенных с целью удовлетворения ненасытного властолюбия и других порочных страстей. Как правило, везде подчеркивалось, что Наполеон – наследник революции, ибо только «безбожная революция», ниспровергшая веру и нравственность, могла породить «такое чудовище». Далее часто обращалось внимание на его иноземное (по отношению к Франции) происхождение, то есть это не просто чудовище, а «чудовище корсиканское». Со ссылкой на древнего Сенеку или от себя лично памфлетисты расписывали характерные свойства жителей Корсики – «острова, известного в истории своими разбойниками»: суровость нрава, подозрительность, гордыню, «несносное высокомерие», вероломство, мстительность, а также стремление «отвергать божество»³⁸. (Акцент на «иноземном» происхождении новоиспеченного французского императора как в русской, так и в зарубежной литературе делался, в частности, с целью пробудить антинаполеоновские настроения в самой Франции.) С некоторым преувеличением подчеркивалась также низость социального происхождения Бонапарта. Использовались эпитеты «раб, ставший господином», «сын нищеты, питомец сострадания и благотворительности»³⁹. Восхождение его к вершинам власти представлялось аномалией, нарушением должного порядка вещей. Многие публицисты, сравнивая Наполеона с Александром I, подчеркивали легитимность и сакральный характер власти российского монарха. Так, например, автор памфлета «Беседа столетнего подмосковного жителя с пленным французским солдатом» вложил в уста своего героя следующую фразу: «Наш народ имеет своего царя, и царя не пришлеца, не возникшего из ничтожества, но царя порфирородного, царя, данного ему от Бога и ни от кого, кроме Бога, не зависящего, который имеет свои законы, свою веру, свои земли, свои права и преимущества и свою славу, чрез военные и гражданские добродетели веками приобретенную»⁴⁰.

Практически все памфлетисты отмечали безнравственность Наполеона, его непомерное властолюбие, лицемерие, тиранство, агрессивность, цинизм и беспринципность. Например, в памфлете «Письменное наставление Наполеона своему историографу» французский император заявляет: «Я великий волшебник и имею при себе надежнейшие талисманы; они состоят в принятых мною правилах: раздели – и повелевай; дай,

³⁸ Дух Наполеона Бонапарте... С. 6–7; Вот каковы Бонапарте и народ французский. С. 8–10.

³⁹ Дух Наполеона Бонапарте... С. 10.

⁴⁰ Беседа столетнего подмосковного жителя с пленным французским солдатом. СПб., 1812. С. 10.

и потом отбери все; сила – дело, а деньги – два»⁴¹. Автор «Духа Наполеона» обличает Бонапарта за то, что он «не имеет ни малейшего понятия о приличностях в политике, которые во всякое другое время были сферою всех европейских дворов»⁴². Уваров в сочинении «Император Всероссийский и Бонапарте» противопоставляет беззакониям Наполеона добродетели российского государя Александра, политика которого соответствует христианским нравственным принципам: «Одерживать победы, сжигать города, рассеивать раздоры, возбуждать междоусобия, принуждать к миру – вот дела обыкновенных завоевателей! Освобождать народы, свергать гнусных тиранов, восстанавливать повсюду законную власть, действовать в звании царя, исполнив долг рыцаря на бранном поле, быть человеком на самом неограниченном троне вселенной, на вершине величия преклоняться пред Провидением, в скромности и простоте отвергать раболепство, убежать собственной своей славы – вот подвиги Александра»⁴³. Автор памфлета «Мысли Наполеона при вступлении в Москву» изображает в качестве одной из главных «страстей» Наполеона Безбожие, которое изгоняет отвергаемую Наполеоном Совесть: «Прочь с глаз наших, слабая советница, все усилия твои бессильны поколебать решимость нашу. Удались к русским, полагающим в тебе свое Божество»⁴⁴. Это противопоставление безбожной, отвергающей нравственные принципы наполеоновской Франции и православной, руководствующейся велениями совести России красной нитью проходит практически через всю русскую антинаполеоновскую публицистику.

Те же мысли пронизывают и поэзию военного времени, при этом авторы лиро-эпических произведений, характеризуя противника, часто заменяют термин «безбожный» на «демонический» и объясняют победу России над врагом заступничеством Божественного Провидения. Например, Г.Р. Державин в упоминавшемся гимне «На прогнание французов из Отечества» ставит на пути «змеевидного демона» Наполеона, шествующего по земле в сопровождении подчиненных ему ехидн и сеющего повсюду смерть, императора Александра, который изображен как «агнец белорунный, смиренный, кроткий, но челоперунный». Царь поднимает народ на борьбу за веру, против «врагов Христовых». «Александров глас наш дух вознес: // Прибег

⁴¹ Письменное наставление Наполеона своему историографу, как он должен писать его историю. Найдено на дороге во время путешествия Наполеона из Лейпцига в Париж. М., 1814. С. 21–22.

⁴² Дух Наполеона Бонапарте... С. 34.

⁴³ Уваров С.С. Император Всероссийский и Бонапарте. СПб., 1814. С. 41–42.

⁴⁴ Мысли Наполеона при вступлении в Москву, или Разговор Совести с различными его страстями. СПб., 1813. С. 47.

он в храм – и стал бесстрашным Росс. // Упала демонская сила». Увидев «святость Александра трона» и «лесть Наполеона», россиянам помогает Бог, что и решает исход кампании⁴⁵. Подобным образом Отечественная война 1812 года представлена и в оде П. Кутузова «На истребление врагов и изгнание их из пределов любезного Отечества», где изображена схватка демона и ангела, образы которых символизируют соответственно Наполеона и Александра. Победу света над тьмой провозгласил в 1814 г. после падения Наполеона Н.М. Карамзин: «Конец победам! Богу слава! // Низверглась адская держава: // Сражен, сражен Наполеон! // ... // Есть правды Бог: тирана нет! // Преходит тьма, но вечен свет. // Сокрылось ночи привиденье. // Се утро, жизни пробужденье! // ... // Злодей торжествовал: где он? // Исчез, как безобразный сон»⁴⁶. Тему исчезновения тирана как «безобразного сна» поднимает также юный А.С. Пушкин в лицейском стихотворении «Воспоминания в Царском Селе»: «Где ты, любимый сын и счастья, и Беллоны, // Презревший правды глас, и веру, и закон, // В гордыне возмечтав мечом низвергнуть троны? // Исчез, как утром страшный сон!»⁴⁷ Примерно те же мысли, но в более резких выражениях, выразил А. Кулаков: «Где злобна Фурия из ада? // Где змий Француз Наполеон? // Где гидра смертоносна яда? // Уполз тьмоглавый сей дракон! // ... // Зол, горд, подобен Люциферу // Во гневе, ярости своей, // Не он ли гнал закон и веру, // И был бичом Европы всей? // Довольно! Тьма ему служила // И ангел бездны – алчна смерть; // Судьба Небес предположила // Злой прах с лица земли стереть»⁴⁸.

Рассматриваемая тема затрагивалась также и в сатирической литературе. В 1814 г. А.Е. Измайлов в изящном, юмористическом стихотворении «Завещание Н. Бонапарте» писал: «Вся собственность моя теперь: одна душа! // Один мой только гений! // Отказываю их я Князю Сатане, // Который сочинял со мною бюллетени, // И помогал во многом мне». Следующая фраза «Не требую себе богатых похорон; // Я даже обойтись могу без погребенья» содержала намек либо на отлучение Наполеона от Церкви, в силу чего он не мог быть погребен по христианскому обряду, либо на то, что Антихрист, по Апокалипсису, низвергается в бездну (в огненное озеро) живым⁴⁹.

⁴⁵ *Державин Г.Р.* Гимн лиро-эпический на прогнание французов из Отечества // *он же.* Сочинения. В 9 т. Т. III. С. 137–164.

⁴⁶ *Карамзин Н.М.* Освобождение Европы и слава Александра I // *Карамзин Н.М.* Стихотворения. Л., 1966.

⁴⁷ *Пушкин А.С.* Воспоминания в Царском Селе // *он же.* Сочинения. В 3 т. Т. I. М., 1974. С. 21.

⁴⁸ *Кулаков А.* Стихи в день Богоявления Господня. На войну // *Собрание стихотворений, относящихся к незабвенному 1812 году.* Ч. 1. М., 1914. С. 110.

⁴⁹ *Измайлов А.Е.* Завещание Н. Бонапарте // Второе прибавление к 16-й книжке Сына Отечества от 20 апреля 1814 г. № 32. С. 8.

Злодейский образ Наполеона и непобедимость России отразил после победы над наполеоновской Францией Н.И. Писарев. Из массы бытовавших во время войны гиперболических эпитетов и сравнений он составил акrostих, «расшифровывающий» имя поверженного французского императора:

Нерона злобнее, Калигулы гнуснее,
Атилле лютостью, коварством превзошел;
Пил кровь, ругался всем, что в мире есть святее;
Ограбив свой народ, чужими завладел.
Лия коварства яд, союзы расторгая,
Европу в дику степь хотел преобразить;
Отличен зверством был, в веках блистать мечтая:
Но что всего странней – мнил Россов покорить!...»⁵⁰

Таким образом, антинаполеоновская пропаганда 1806–1814 гг., создавшая так называемую «черную легенду» о Наполеоне, была вызвана к жизни военными условиями и, несмотря на многочисленные преувеличения, опиралась на реальные исторические факты. Ее характерные особенности, прежде всего – «демонизация» личности Наполеона, объясняются разницей мировоззрений, менталитетов противоборствующих сторон, то есть другими словами, различием двух столкнувшихся цивилизаций, а также активным участием в Отечественной войне 1812 года Русской православной церкви, придавшей столкновению несомненный религиозный колорит. Победа России над наполеоновской Францией была воспринята многими современниками как победа христианства и традиционно-консервативных ценностей над европейским «безбожием» и идеями Просвещения XVIII в., породившими Французскую революцию. Автор популярного в то время сочинения «Русские и Наполеон Бонапарте» А.Я. Булгаков писал, что французская армия потерпела в России поражение, потому что «была окружена народом, во всех отношениях единственным: религией, языком, обычаями и нравственностью, коему ни Наполеон, ни его невидимая армия иллюминатов не могли внушить коварных и пагубных учений»⁵¹. Этот мотив национальной исключительности и религиозного мессианизма русского народа получил широкое распространение и развитие в русской философии XIX в.

⁵⁰ Писарев Н.И. Акrostих // Собрание стихотворений, относящихся к незабвенному 1812 году. Ч. 2. М., 1814. С. 246.

⁵¹ Русские и Наполеон Бонапарте. С. 52–53.

Подъем национального самосознания, наступивший в русском обществе после победы над Наполеоном, вскоре нашел отражение в формулировке российской государственной доктрины «Православие, самодержавие, народность». Что касается «образа Наполеона», то вскоре после смерти низвергнутого французского императора он претерпел кардинальные изменения. На смену «черной легенде» пришла «золотая легенда», или так называемый «наполеоновский миф». Началась героизация и мифологизация его личности.